

На второй день приёма лекарств Цзян Шоуянь не испытывал явной тошноты, у него только заметно снизился аппетит, и ко времени обеда он почти не чувствовал голода. Прошлую ночь он спал плохо: из-за побочного действия препаратов ему снилась всякая бессмыслица, подёрнутая рябью белого шума. Посреди ночи он то и дело просыпался от жажды, но стоило ему приподняться, как Чэн Цзайе тут же затаскивал его обратно в постель.

— Хочешь пить? — спросил его Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь кивнул, но тут же сообразил, что в комнате царит полумрак и Чэн Цзайе, скорее всего, этого движения не увидел. Однако не успел он открыть рот, как зажёгся маленький подвесной светильник у изголовья кровати. Хозяин, должно быть, специально установил этот ночник: лампочка малой мощности светила мягко и совсем не резала глаза. И всё же Цзян Шоуянь рефлекторно прищурился. Как только зрение адаптировалось, прямо перед собой он увидел стеклянный стакан.

— Вода горячая, — сказал Чэн Цзайе. — Пей медленно.

Цзян Шоуянь поднял взгляд и заметил на прикроватной тумбочке Чэн Цзайе термос с мультяшным рисунком. Крышка была открыта, и в тёплом жёлтом свете из него поднимался лёгкий пар. Неизвестно, когда Чэн Цзайе успел его приготовить.

Из-за таблеток Цзян Шоуяня мучила сильная жажда, и днём он постоянно пил. Вода в стакане обжигала, поэтому он пил её маленькими глотками.

— Слишком горячо? — заботливо спросил Чэн Цзайе. — Я боялся, что вода быстро остынет, поэтому налил кипятка. Может, разбавить холодной?

Цзян Шоуянь увернулся от протянутой руки Чэн Цзайе и, покачав головой, ответил:

— Ничего страшного. — Он подул, сделал несколько глотков и, лишь когда чувство сухости во рту немного отступило, поднял голову: — Давай поставим термос на мою тумбочку. Если ночью захочу пить, налью сам.

Цзян Шоуянь не хотел тревожить сон Чэн Цзайе. Тот и так делал слишком много — был настолько добр, что это вызывало чувство вины и неоплатного долга. Но Чэн Цзайе лишь погладил его по волосам и произнёс:

— Уступи мне, пожалуйста.

Цзян Шоуянь непонимающе посмотрел на него.

— Я часто чувствую бессилие и грусть из-за того, что не могу разделить твою боль в полной мере. — Чэн Цзайе накрыл своей сухой тёплой ладонью его пальцы, сжимавшие стакан. — Забота о тебе приносит хоть какое-то облегчение. Выпьешь ещё немного? — спросил он, слегка приподняв бровь.

Цзян Шоуянь, словно робот, опустил голову и сделал глоток. Из-за лекарств его эмоциональный фон находился на стабильно низком уровне, без сильных перепадов настроения. Но сейчас он почувствовал щемящую нежность, которая тёплым эхом отозвалась в груди.

Возможно, из-за того, что Чэн Цзайе слишком уж хорошо о нём заботился и почти всегда был поблизости, утром, открыв глаза и не обнаружив его рядом, Цзян Шоуянь ощутил необъяснимую тревогу. Он перевернулся на другой бок, уткнулся лицом в подушку Чэн Цзайе

и слегка о неё потёрся. Хотя они пользовались одним и тем же шампунем и гелем для душа, Цзян Шоуяню казалось, что запах Чэн Цзайе — особенный: словно пронизанный солнцем жаркий ветер. Вскоре обоняние привыкло к этому аромату, и мозг перестал поддаваться на столь слабую иллюзию присутствия. Цзян Шоуянь сбросил одеяло, накинул длинную кофту и, наскоро умывшись, открыл дверь, чтобы найти Чэн Цзайе.

Тот, казалось, обладал врождённой морозоустойчивостью: Цзян Шоуяню хотелось закутаться в куртку, а на нём была лишь чёрная водолазка. Закатанные до локтей рукава обнажали крепкие, рельефные предплечья. Сегодня на кухне не шумел блендер, поэтому Чэн Цзайе сразу уловил шорох тапочек Цзян Шоуяня. Опираясь на столешницу, он вполоборота повернулся к нему и с улыбкой похвалил:

— Ты сегодня рано.

Уголки губ Цзян Шоуяня едва заметно дрогнули в улыбке. Подойдя к Чэн Цзайе, он увидел две пиалы с йогуртом, нарезанные бананы, клубнику, киви и вымытую голубику. Буйство красок невольно поднимало настроение.

— Что сегодня на завтрак? — спросил Цзян Шоуянь.

— В рецепте это называлось парфе из йогурта.

Диетотерапия была частью лечения Цзян Шоуяня: здоровый рацион помогал восполнить гормональный дисбаланс и ускорить выздоровление. Чэн Цзайе указал на йогурт:

— Качественный белок и пробиотики. Твои таблетки раздражают желудок, а дополнительный белок поможет ускорить метаболизм. Бананы содержат триптофан — материал для синтеза

серотонина. Твоя болезнь вызвана нарушением выработки серотонина, дофамина и других гормонов в мозге. Киви, клубника и голубика богаты витаминами группы В, витамином С и пищевыми волокнами...

Чэн Цзайе указывал на каждый ингредиент и обстоятельно всё объяснял. Цзян Шоуянь не просто чувствовал заботу: эта маленькая лекция вселила в него чуточку уверенности. Ничего страшного не произошло, просто нарушился гормональный баланс в мозге. Если не спешить, лечиться и постепенно восстанавливать силы, всё обязательно наладится.

Чэн Цзайе сделал шаг назад, потянул Цзян Шоуяня на себя, со спины обнял его за талию и, вложив ему в руку маленькие кулинарные щипцы, сказал:

— Накладывай сам. Бери сколько захочешь.

Чувствуя, как Чэн Цзайе уткнулся подбородком ему в плечо, Цзян Шоуянь невольно склонил голову и ласково потёрся о него щекой:

— А сколько положить тебе?

— Я доем то, что останется, — ответил Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь сначала разложил фрукты поровну, но потом, прикинув, что столько не съест, попытался пересыпать всё из маленькой миски в пиалу Чэн Цзайе. Тот перехватил его руку:

— Я тоже столько не съем.

— И что делать? — Цзян Шоуянь соображал туго. — Продукты пропадут.

— Фрукты можно съесть днём, не обязательно сейчас. — Чэн Цзайе приподнял голову, поцеловал его в ухо и потянулся за стоящей рядом овсянкой.

— А теперь добавляем овсяные хлопья.

Когда Цзян Шоуянь насыпал овсянку и перемешал содержимое обеих пиал ложкой, Чэн Цзайе снова с улыбкой похвалил его:

— Ты просто молодец, Цзян Шоуянь. Сегодня не только рано встал, но ещё и приготовил нам завтрак.

Цзян Шоуяня не хвалили за такое даже в детстве. «Подумаешь, добавил в йогурт немного фруктов и овсянки! С этим справился бы любой детсадовец». Несмотря на подобные мысли, Цзян Шоуянь лишь невозмутимо угукнул, а затем, взяв обе пиалы, направился к обеденному столу.

Чэн Цзайе висел на нём, словно коала. Из-за высокого роста и длинных ног он шёл спотыкаясь и даже случайно запнулся о порог. Цзян Шоуянь не выдержал и тихо рассмеялся. Чэн Цзайе слегка укусил его за щёку:

— Смейшься надо мной!

Цзян Шоуяню стало щекотно, и он отстранился. Чэн Цзайе прикусил его ухо и пробормотал:

— В качестве компенсации я стащу у тебя кусочек клубники.

Цзян Шоуянь скормил ему целых три.

Как обычно, во время завтрака нужно было принять таблетки, и Чэн Цзайе пошёл налить воды и принести лекарства. Цзян Шоуянь понятия не имел, где лежат таблетки, потому что Чэн Цзайе их спрятал. Он этого не планировал, но как-то раз совершенно серьёзно спросил Цзян Шоуяня, не возникало ли у него раньше во время лечения порыва проглотить все таблетки разом?

Цзян Шоуянь немного помолчал и ответил, что возникало. Из-за побочных эффектов, вызывающих невыносимое раздражение, из-за отчаяния от мысли, что ему никогда не станет лучше. Он пытался бороться с унынием, но в конце концов, оказавшись не в силах самостоятельно пережить побочные действия, просто бросил пить таблетки.

После этого Чэн Цзайе спрятал лекарства. Хотя Цзян Шоуянь много раз клялся, что это были только мысли и он бы не стал глотать их на самом деле, Чэн Цзайе сказал, что отдаст их только тогда, когда организм Цзян Шоуяня адаптируется к побочным эффектам.

Выпив таблетки, Цзян Шоуянь, всё такой же вялый, откинулся на спинку дивана и зевнул. Вчерашней сильной тошноты не было, его по-прежнему клонило в сон, но спать не хотелось. На диване лежала куртка Чэн Цзайе. Почувствовав лёгкий озноб, Цзян Шоуянь закутался в неё. Пальцы нащупали карман — внутри, кажется, что-то было. Цзян Шоуянь залез внутрь и

вытащил пачку сигарет. Больше половины уже было выкурено, внутри оставалось всего пять штук. Взгляд Цзян Шоуяня замер. Он вытянул из пачки сигарету, зажал её губами и принялся шарить по карманам в поисках зажигалки. В этот момент из кухни, вытирая руки, вышел Чэн Цзайе, и сигарета, зажата в зубах, была немедленно конфискована.

— Тебе нельзя курить, — Чэн Цзайе засунул сигарету обратно в пачку, а саму пачку спрятал в карман: она оттопырила брюки некрасивым бугром.

Цзян Шоуянь некоторое время смотрел на этот выступ, а затем поднял голову и сказал:

— Зубы зудят. Хочу курить.

Чэн Цзайе пояснил:

— Сигареты и алкоголь влияют на действие препаратов и метаболизм. Во время приёма лекарств нельзя ни курить, ни пить.

Цзян Шоуянь всё так же невозмутимо смотрел на него и, разведя руками, повторил:

— Зубы зудят.

Чэн Цзайе опустил голову и с минуту разглядывал его. Сегодняшний Цзян Шоуянь казался ему немного странным: похоже, он твёрдо решил выкурить эту сигарету, хотя уже очень давно не курил. Чэн Цзайе понимал, что иногда, если становится тяжело, хочется взбодриться

сигаретой или залить горе вином. Но нельзя — значит, нельзя. Он терпеливо объяснял Цзян Шоуяню, что это запрещено, но тот его не слушал, упрямо желая закурить.

Чэн Цзайе смотрел на его непрерывно смыкающиеся и размыкающиеся губы, а затем просто просунул между ними пальцы. Повернув их подушечками вверх, он провёл по зубному ряду и нащупал чуть заострённый клык.

— Какой именно зудит? — хрипловато спросил Чэн Цзайе. — Давай я его почешу.

Подбородок Цзян Шоуяня оказался зажат в развилке между большим и указательным пальцами Чэн Цзайе. Голова была слегка запрокинута, а рот приоткрыт двумя пальцами, так что он не мог ни сомкнуть губы, ни заговорить. Он чуть прищурился, и его влажный, мягкий кончик языка лизнул пальцы Чэн Цзайе.

Лицо Чэн Цзайе едва заметно изменилось. Цзян Шоуянь, словно вдруг найдя в этом забаву, под его пристальным взглядом издал тихий, едва слышный стон. Розоватый кончик языка медленно высунулся наружу, скользя между длинными пальцами и белоснежными зубами. Выражение его лица было таким, словно он... сломался. От этого зрелища сердце Чэн Цзайе бешено заколотилось, и он отдёргнул руку.

Цзян Шоуянь всё ещё ощущал во рту лёгкое онемение. Запрокинув голову, он смотрел на Чэн Цзайе и улыбался. Чэн Цзайе наклонился так близко, что они соприкоснулись кончиками носов.

— Тебе бы только дразнить меня, — с лёгкой обидой в голосе произнёс Чэн Цзайе.

Горячее дыхание обожгло губы Цзян Шоуяня. Он чуть потянулся вверх и лизнул линию его

губ. Чэн Цзайе подался вперёд и впился в его рот поцелуем. Прошёлся языком по ряду зубов, которого только что касался пальцами, а затем сплёлся с языком Цзян Шоуяня в страстном танце. Они уже давно не целовались так пылко.

Когда они наконец оторвались друг от друга, дыхание обоих сбилось. Под тяжестью тела Чэн Цзайе Цзян Шоуянь глубоко вжался в диван. Его пальцы крепко вцепились в одежду на талии Чэн Цзайе, а затем вдруг скользнули ниже и сквозь ткань брюк нащупали пачку сигарет. В его глазах от нехватки кислорода всё ещё стояла влажная пелена, а голос звучал низко и хрипло:

— Ты не устаёшь?

Чэн Цзайе понадобилось некоторое время, чтобы понять, о чём он спрашивает. Никто не может отдавать себя без остатка вечно. Даже машины иногда отправляют на завод для ремонта. Но Чэн Цзайе рядом с Цзян Шоуянем всегда оставался невероятно нежным и никогда не показывал ему никаких негативных эмоций. А что делает Чэн Цзайе, когда Цзян Шоуянь его не видит? От одной только мысли об этом Цзян Шоуяню стало тяжело дышать. Он медленно моргнул и с заминкой озвучил свой вопрос целиком:

— То, какой я сейчас... не утомляет ли это тебя?

<http://bllate.org/book/14908/1713708>